

История
С КОШКОЙ

Юлия Лавряшина

Кот знает всё

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Кот знает всё / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102799-5

Сбылась мечта — сестры Косаревы покупают дом! Точнее, его половину. Впуская в новое жилье любимого кота Огарка, женщины надеются на безоблачную счастливую жизнь. Но все идет наперекосяк, когда ночью в дом врывается девушка, пытаясь их ограбить, а потом кажется, что кто-то наблюдает за ними из-за стены. Что творится на другой стороне дома — не знает никто... кроме кота. Кот, конечно, знает всё.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., текст, 2019.
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102799-5

Пролог

Эти женщины смеялись так громко... Кажется, их забавляло все на свете! Сейчас, когда они перебрались в большой дом, смех не так докучал ему, как в двухкомнатной квартирке. Но они потешались не над ним. Просто им было весело жить, особенно двоим из них — похожим.

Он успокоился, когда понял это. И догадался, что одна из женщин была ребенком другой. Как и он совсем недавно, когда его звали... никак.

Никто не давал ему клички, ведь житель кошачьего мира не нуждается в словесном клейме. Это люди испытывают слабость к ярлыкам и первым делом навешивают на младенца имя, от которого уже не так просто избавиться.

Его мама была выше этого. Ее круглые желтые глаза наблюдали за жизнью людей снисходительно. Сумятица их мира казалась ей смешнее копошения насекомых. Но кошка не пыталась остано-

вить хотя бы одного человека, ей просто было не до этого — она спасала своих котят.

Поэтому и привела его с братьями и сестрами в храм. Не ради молитвы, конечно... Нет у кошек грехов, которые приходится замаливать. Детенышам всего лишь нужен был кров, а самой кошке — пища, пока она кормила их теплым, сладковатым молоком.

И добрые люди дали ей пищу. В желтоватом взгляде затеплилась благодарность. Кошка, подумав секунду, даже позволила человеку погладить ее.

В тот вечер молока было слишком много! Он объелся до того, что уснул, продолжая сосать, и молоко натекло ему под щеку.

Но сон приснился страшноватый...

Она не знала, чем заслужила их ненависть. Их раззявленные рты, хохочущие над ее болью, казались пещерами ада, она чувствовала смрадный дух... Солнце палило, усиливая его, слепило глаза, отлично видевшие в темноте.

— Выколи ей зенки! — хрипло выкрикнул кто-то, и она поняла, что погибла.

Но изо всех сил продолжала царапаться и шипеть, спасая свою единственную жизнь, во что ее мучители отказывались поверить.

— Ничего ей не сделается, у нее же девять жизней...

— Дьявольское отродье, мы тебе покажем!

Ее потянули за лапы в разные стороны с такой силой, что плоть кошки затрещала. Еще миг...

— Оставьте несчастное животное!

Почудилось, будто голос пролился сверху. В нем слышался гнев, каким-то чудом не затмевающий теплый свет, составлявший суть человека, которому принадлежал этот голос.

— Шел бы ты, дядя, — прошипел один из тех, кто жаждал ее гибели.

— Не лезь не в свое дело!

Но голос, зародивший в ее маленьком сердце надежду, оставался твердым:

— Это мое дело. Кто, кроме меня, защитит землю, которую мой Отец создал для любви и радости? Он подарил жизнь не только людям, но и нашим братьям меньшим. А вы своей жестокостью превращаете ее в ад!

Усилия, с которыми растягивали ее тельце, несколько ослабли, и сердце кошки дрогнуло надеждой.

— А кто твой отец? — удивился один из них.

— Да что вы его слушаете?!

— Юродивый! Пошел отсюда.

— Сейчас получишь!

Что произошло в следующий миг, кошка не заметила. Она вдруг упала в пыль, точно мучители разом отпустили ее. Над головой раздался

вой ужаса, но мешкать и разбираться, что произошло, кошка не стала. Бросилась на звук голоса, который уже любила, и прыгнула в раскрытую ладонь.

Человек быстро спрятал ее за пазухой. Переведя дух на его теплой груди, кошка высунула мордочку и увидела, как те, кто истязал ее, корчатся от беспомощности и страха. Их руки висели плетьюми, отказываясь слушаться.

— Больше вы никого не сможете мучить.

Больше Он ничего не добавил и пошел своей дорогой, унося кошку у сердца. Как никто другой, Он знал, что она такое же дитя Божие, как и все твари, населявшие землю. И нет ее вины в злых людских заблуждениях...

И еще Он знал, что кошка станет хорошей матерью целым поколениям тех, кого миллионы добрых людей будут называть своими лучшими друзьями.

Среди ее потомков оказался и котенок, призванный устроить судьбы своих людей... Он и сам не подозревал, сколько подарит миру радости!

Глава 1

Темнота шуршит, дышит, подкрадывается, душит. Темнота успокаивает, убаюкивает, обманывает цветными снами, струящимися тугими параболоми. Обещает вот-вот разломиться, подобно мохнатому кокосовому ореху, не требуя даже удара о камень, и явить нечто светлое, текучее, манящее. Но портьеры не раздвигаются. Глеб знает почему: жене приятнее сознавать, что он ощущает себя похороненным заживо. Какой же свет может быть в могиле?

Сознание — сплошные пятна. Он уже научился различать их: светлые — сны, черные — явь. Когда в очередной раз ускользают все проблески, первой просыпается тоска: «Опять... Я опять вернулся. Черт бы меня побрал, я все еще жив!»

А следом уже черным дымом наползает отчаяние, потому что некуда деться от тех шагов, которыми уже наполнялась тьма. Самым страшным и

ненавистным звуком на свете стал отголосок ее шагов, когда-то звучавших так фантастически легко...

Жена заходила к нему только дважды в день, он решил для себя, что это утро и вечер. Требовать от нее большего? Необходимо? Да и хочется ли?

— Что смотришь? — Роза улыбается, и от этого еще меньше становится похожа на саму себя прошлую. Это совсем не ее улыбка. Верхней челюстью выдающийся вперед оскал. — Зачем ты проснулся? Или надеешься сегодня шевельнуть каким-нибудь пальчиком?

Она всегда говорит «пальчиком», но это звучит не ласково. Когда Розин голос срывается криком, Глебу становится легче. Непонятно почему, ведь он знает, что следом жена ударит его. Столько раз, сколько внутренних взрывов произойдет в ней.

Как обычно, в последние три месяца, он ничего не почувствует, только душу сдавит тяжелое ощущение полной беспомощности, которое Роза и рассчитывает вызвать. Знает ведь: физическая боль перестала существовать для него сразу после той аварии. Перелом черепа, повреждение всех возможных центров... Как он выжил? И главное — зачем?

— Ты в курсе? Я продала твою половину дома. Да откуда тебе знать! Уже продала, что ты удивляешься? Мне нужно на что-то жить, я же не подыхаю вместе с тобой... А ты ни копейки мне не

оставил, сволочь, только этот паршивый коттедж. Неужели у тебя ничего не припрятано?

«Она ждет ответа. Немыслимо. И заводится от моего молчания». — Глеб смотрел на жену, не открывая глаз — единственного, что еще подчинялось ему. Было время, они понимали друг друга с одного взгляда. Тогда она была как свежий бутон, и Глеб твердил: невозможно было подобрать ей имя удачнее. Тогда она умела летать... И не только над сценой.

— Куда ты дел все деньги? Не поверю, что у тебя нет никаких тайных счетов! Или ты все на нее записал? Нет, что-то должно было остаться на тебе, не такой же ты идиот!

Ей было под силу изувечить его окончательно, раздробить все косточки, по одному вырвать оставшиеся зубы, если бы она решилась доставить себе такое удовольствие, но нарушить его молчания не могла. Глебу оно представлялось коконом, почему-то серого цвета, свитым из прочных нитей, способных изранить человеческие руки. И Розе уже хотелось этой крови, все равно, его ли, своей, лишь бы что-то живое проступило наружу, убедило, что она сама не умерла вместе с мужем...

Следующее утро взрывалось воплем:

— Ты еще жив?! Ненавижу!

Однажды она перешла на шепот, от которого свистело в ушах, и Глеб догадался, что люди, купившие половину их дома, уже переехали.

— Ты никогда не сдохнешь!

«Да ведь ты рада, что я еще жив!» — хотелось ему выкрикнуть.

Ее лицо то распухало от злости, то вдруг ссыхалось, заострялось, превращая Розу в старуху, давно пережившую и сострадание, и любовь. Только ненависть еще цеплялась за ее душу когтями, заставляя выкрикивать грубые, злые слова. И ей хотелось, чтобы Глеб кричал вместе с нею. Кричал, стонал, хрипел, плакал, просил о помощи — что угодно, только бы не молчал. Только бы дал понять, что она отомщена за весь этот последний год...

Шаги уже гремели рядом — куда там Каменному Гостю! Глебу захотелось зажмуриться.

— Я ведь в любой момент могу ввести тебе воздух в вену. Думаешь, этот идиот, наш врач, станет искать след от укола? Да он двадцать раз перекрестится от радости, что не придется больше возиться с живым трупом!

«Он и не возится».

— Он, конечно, и не возится, но все — лишняя морока.

«Ну, давай же, наконец! Возьми этот проклятый шприц!»

— И все-таки ты у меня еще поживешь. Я пока не чувствую, что отомстила по полной. Тот адский год — ты помнишь? — был долгим...

«Года три, не меньше, — не согласился Глеб. — Она ведет отсчет с того дня, когда появилась Нина. При чем тут Нина? Я ее едва помню. Надо же... Я помню то, что с Розой все кончилось еще до нее. Но уже в этом проклятом доме».

Когда-то он был влюблен в этот дом, вернее, еще в проект. В его общей легкости, запечатленной в асимметрии крыши, Глебу виделось что-то Розино. Из тех времен, когда она занималась в балетной студии, а Глеб караулил на улице и подпрыгивал, заглядывая в окна. Поэтому в памяти и остались отдельные, выхваченные им фрагменты, которые не сливались в единый танец.

Тогда он и не мечтал о своем доме, таком вот — двухэтажном, с широкими изгибами лестниц на этой половине и витиеватой спиралью на другой, с огромными окнами, с дышащим жизнью зимним садом, с просторными спальнями и джакузи — словом, со множеством совершенно необходимых вещей, о которых студент Политеха имел довольно смутное представление. Да и кто в те годы знал, что такое «джакузи»?

Они с Розой слишком долго были сначала нищими студентами, потом просто нищими, а когда Глеб, наконец, вытянул этот дом из золотой жилы комсомола, воспользовавшись депутатским мандатом, они с Розой уже превратились в других лю-

дей. В ней больше не было того свободного размаха, который заворожил Глеба в юности, и она ни о чем не мечтала. Даже о детях.

Пока жили с его родителями, Роза не хотела детей, чтобы теснота не задушила их, а потом оказалось, что она не в состоянии забеременеть. Можно было, конечно, лечиться, делать операции, на которые теперь и деньги были, но жена как-то сразу сломалась. Поставила крест на всем том, нерожденном, несостоявшемся, что должно было стать ее жизнью. И тогда Глеб начал замечать: по дому мелькает старуха...

Она еще не поселилась окончательно, только присматривалась, обживалась, но теперь ее было не выгнать из Розы. Конечно, было ошибкой, что Глеб тоже сразу сдался, уступил свою любимую женщину этому уродливому существу. Нет, не ошибкой даже, а предательством, чего уж пытаться приукрасить. Именно это, а не то, что появилась Нина, которая и в воспоминания-то его втискивалась только бочком, усаживалась с краешка, стараясь не мешать Розе, занимавшей все пространство. Во снах — светлое, наяву — темнее темного.

— А у меня для тебя сюрприз! — Голос прозвучал с язвительной радостью, чтобы он сразу понял: хорошего лучше не ждать.

Ей было известно, что Глеб все слышит и понимает, врачи разъяснили это сразу. Общаясь с ними, он подавал сигналы глазами. Ей — нет. Просто закрывал их. Но Роза-то уже знала о его неотмершем слухе... Поэтому хлестать словами было единственно возможное отмщение. Плести из слов длинные хлысты, сдирающие кожу с души, да так, что боль брызжет кровавым фейерверком во славу мести.

Но Роза не могла удержать руки, плоть тянулась к плоти, требовала прикосновений. Ей просто необходимо было ударить по этому застывшему, неживому на взгляд лицу, чтобы в ней самой унялась дрожь, похожая на сексуальное возбуждение, только не любовью порожденная. Все возможные угрызения, вроде того, будто «лежащего не бьют», она отвергла сразу же. Он же бил ее, когда она не могла ответить. Он бил ее, не занося руки, но так, что у нее разрывалось от боли все тело.

— Слышишь?

Наклонившись, Роза пристально всмотрелась в пожелтевшую пленку век, но они не дрогнули. Ей говорили, что Глеб открывал глаза и вроде бы смотрел осмысленно, однако ей самой этого ни разу не удалось заметить. Он защищал от нее свой взгляд этими слабенькими, постаревшими веками.